

УДК 338.9:658.5:331.1:336.2:911.3(470)"192"(045)

© А. Ю. Греков, 2011

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В РСФСР В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Греков А. Ю. – адъюнкт Хабаровского пограничного института ФСБ России, тел. 8-914-164-91-34, e-mail: Algrekoff@me.com

Уровень социально-экономического благополучия всегда оказывал существенное влияние на политические симпатии и антипатии населения к власти. С совершенствованием общественно-государственных отношений, вне зависимости от формы государственного управления, этот критерий все больше становился основополагающим. В статье исследуются условия протестных выступлений рабочих и крестьян в РСФСР и на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг., раскрывается их коренящаяся социально-экономическая основа в политике молодого Советского государства.

The level of socio-economic well-being has always had a significant impact on the political sympathies and antipathies of the population to the authorities. With the improvement of public-private relationships, regardless of form of government, this criterion has increasingly become essential. This article studies conditions for protests of workers and peasants in the USSR and the Russian Far East in the early 1920's, as well as reveals their rooted socio-economic basis in the young Soviet state policy.

Ключевые слова: новая экономическая политика, ГПУ, антисоветские выступления, забастовки, промышленный и сельскохозяйственный упадок, продовольственный налог, «красный бандитизм».

Цель статьи состоит в том, чтобы с учетом новых подходов в изучении исторических процессов Отечественной истории, используя опубликованные документы и архивные материалы Центрального архива ФСБ России, раскрыть условия возникновения протестных выступлений в стране в начале 1920-х гг., которые квалифицировались как антисоветские.

Окончание гражданской войны и военной интервенции в Советской России, в результате которой были разгромлены основные белогвардейские силы, было ознаменовано переходом к мирной жизни.

Безусловно, гражданская война являлась большой трагедией для всего народа. Население России с 1917 г. до начала 1921 г. уменьшилось на 10 млн

человек, из них 5 млн умерли от голода. Общие же людские потери за годы гражданской войны оцениваются в 21–25 млн человек. Национальный доход страны упал с 11 млрд в 1917 г. до 4 млрд в 1920 г. Подсчитанная к 1922 г. сумма ущерба, нанесенного Советской России, составила более 39 млрд зол. руб., что превышало четвертую часть всего довоенного золотого запаса страны. Промышленное производство в сравнении с 1913 г. в 1920 г. сократилось в семь раз. Промышленный упадок сказался на уровне заработной платы рабочих. В начале 1920-х гг. он составлял всего лишь 30 % от довоенной. Выплата заработка осуществлялась в основном натурой – продуктами потребления, да и то нерегулярно, с большим опозданием. Такой уровень дохода рабочему населению не обеспечивал даже прожиточный минимум. Стремительный рост рыночных цен, срывающий все попытки установления твердого прожиточного минимума, и продолжавший усиливаться денежный кризис, повлекший за собой повсеместную задержку заработной платы рабочим, существенно влияли на настроение рабочих. Особенно тяжелое положение в начале 1921 г. сложилось в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве и Петрограде. В этих городах были сокращены нормы выдачи хлеба, отменены продовольственные пайки, в результате чего возникла угроза голода. В начале февраля 1921 г. было объявлено о закрытии 93 петроградских предприятий, среди которых были такие гиганты, как Путиловский и Сестрорецкий заводы, завод «Треугольник» и др. Единовременно оказались выброшенными на улицу 27 тыс. человек [1].

Результатом упадка промышленного комплекса в стране стала безработица, которая к середине 1923 г. приняла чрезвычайно большие масштабы. Для большинства губерний со средним развитием промышленности число безработных колебалось от 3 до 6 тыс. человек, а в некоторых местностях значительно больше. Так, по данным ГПУ [2], в течение 1923 г. только в Петрограде и Москве состояло на учете около 100 тыс. человек безработных, в Иваново-Вознесенске с апреля по июнь число безработных увеличилось с 25,5 тыс. до 29 тыс. человек, в Тверской губернии их насчитывалось около 17 тыс., в Приморской и Саратовской губерниях около 15 тыс., в Самарской, Тамбовской, Гомельской губерниях и Татарской республике по 10 тыс. в каждой, а в Челябинской губернии около 12 тыс. [3].

Внутреннее экономическое положение усугублялось еще и тем, что в 1921 г. в России в результате засухи и неурожая разразился имевший губительные последствия страшный голод, охвативший 25 губерний в Поволжье, на Дону и Украине. К началу весны 1922 г., по некоторым данным, голодало 22 млн человек, умерло от голода 1 млн человек и около 2 млн детей осталось сиротами. Голод был настоящим общегосударственным бедствием [4]. Немалую роль играла также внешнеполитическая блокада со стороны европейских стран и США.

В тяжелейших условиях находилось сельское хозяйство, которое в результате разорений и упадка производительных сил, вызванных войной, в 1920 г. было «добито» низким урожаем, в том числе кормовых культур, в

связи с чем в деревне начался падеж скота. О послевоенном состоянии страны В. И. Ленин в марте 1921 г. высказался следующим образом: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, избитого до полусмерти» [5].

К концу 1920 г. политика «военного коммунизма», введенная советским правительством в чрезвычайных условиях гражданской войны и интервенции, как вынужденная мера, уже не отвечала послевоенной обстановке. Ее жесткие требования в основном касались продовольственной разверстки, согласно которой производящие регионы должны были сдавать 100 % хлебных излишков. При этом понятие «излишки» толковалось властями столь вольно, что, по сути, превратилось в тотальную конфискацию хлеба. Лица, не сдавшие излишки, подвергались суду и тюремному заключению [6]. Такое отношение властей вызывало закономерное недовольство у большей части крестьянского населения страны. Крестьяне, возмущенные действиями продотрядов, не только отказывались сдавать хлеб, но и, требуя изменения налоговой политики и ликвидации диктата РКП(б), поднимались на вооруженную борьбу. Восстания охватили Украину, Дон, Кубань, Поволжье и Сибирь.

Курс новой экономической политики (НЭП), взятый руководством страны на X съезде РКП(б) (март 1921 г.), сменив политику «военного коммунизма», преследовал разнонаправленные цели – политические, социальные и экономические. Прежде всего, мероприятия «новой» политики были нацелены на снятие образовавшейся социальной напряженности, укрепление союза рабочих, крестьян и советской власти. Новая стратегия в экономике предусматривала развитие товарно-денежных отношений в интересах предотвращения разрухи, стабилизации социально-экономической обстановки, восстановления народного хозяйства с целью обеспечения условий для построения социалистического общества. Она была рассчитана на длительный период. Говоря о новом курсе в экономике советского государства, В. И. Ленин подчеркнул, что НЭП – это всерьез и надолго [7].

Широкомасштабная программа включала проведение важных преобразований в сельском хозяйстве, промышленности, финансах и в социальной сфере. Учитывая то, что аграрии составляли 80 % всего населения, по мнению многих историков, основным содержанием НЭПа являлась замена продразверстки продналогом в деревне. При продразверстке изымалось до 70 % от чистого крестьянского продукта, при продналоге намечалось около 30 %. Впоследствии продовольственный налог планировалось снизить до 10 % от урожая с последующим переводом его в денежный эквивалент. Идя, таким образом, на уступки, В. И. Ленин указывал, что они были подчинены только одной цели – борьбе за власть. «Мы открыто, честно, – говорил В. И. Ленин, – без всякого обмана крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере и, конечно, сами будем судить – какая это мера и какие пределы» [8].

В интересах налаживания рыночных отношений вводились различные формы собственности, привлекался иностранный капитал в форме концессий. Проведенная в период 1922–1924 гг. денежная реформа позволила стабилизировать валютно-кредитные отношения СССР с другими странами. Результатом проведения двух деноминаций, стало приравнивание 1 млн руб. прежних денежных знаков к 1 руб. новых советских знаков. Была выпущена денежная единица «червонец», приравненная к старой 10-рублевой золотой монете, содержащей 7,74 гр. чистого золота.

Конечно же, новая экономическая политика принесла оздоровление экономики. Налицо были положительные результаты, которые коснулись и общества, хотя и не во всех его отношениях. Однако жизнь рабочих по-прежнему продолжала оставаться трудной. Их настроение напрямую зависело от их социального обеспечения, состояния промышленности, снабжения ее сырьем и топливом, в которых испытывался острый дефицит.

Низкий жизненный уровень населения, ухудшение продовольственного обеспечения в связи с неурожаем, мизерные тарифные ставки, регулярные задержки по заработной плате и вычеты из нее, нередко достигавшие 25 %, продолжительность рабочего времени [9], а также невыносимо плохие жилищные условия – все это продолжало порождать у рабочих негативные настроения, находившие выражение в различных формах протеста. Так, в обзоре ГПУ о внутреннем политическом положении РСФСР за март 1922 г. говорилось о продолжающемся ухудшении настроений рабочих. «Будучи повсеместно пассивным, оно (настроение) охватило всю территорию республики и как бы ровным слоем покрыло все рабочие центры от больших, как Петроград и Москва, и до самых малых» [10]. Среди наиболее неблагоприятных районов страны в этом отношении выделялись северо-западный, западный и восточные районы республики, а положение в Поволжье и на юге Украины было воспринято как угрожающее. Результатом неослабевающего продовольственного кризиса было постоянное озлобление населения, имевшее различные последствия. К примеру, согласно одесским сводкам, среди рабочих масс был отмечен рост антисемитских настроений, согласно екатеринославским – крайнее озлобление в отношении спекулировавшей буржуазии, а в Николаевке был зафиксирован массовый уход с производства квалифицированных рабочих, который парализовал промышленное производство [11].

На фоне чрезмерно высоких заработков администрации предприятий и служащих хозорганов рабочие требовали повышения заработной платы и улучшений условий труда. Но даже своевременную выдачу такого мизерного заработка власти обеспечить не могли. Систематические задержки жалования (нередко на 2–3 месяца) были характерны для Петрограда, Нижегородской губернии (заводы Сормовского и Выксунского районов), всех губерний Урала, Донецкой губернии и части Сибири (главным образом в каменноугольной промышленности) [12].

Отстаивая свои права, рабочие организовывали забастовки, экономический характер которых имел тенденцию превращаться в политический. Мес-

тами эти забастовки принимали достаточно длительный характер и распространялись на соседние предприятия. Масштабная активность отстаивания рабочими своих социально-трудовых интересов началась с 1923 г. Тогда в докладах ГПУ о политико-экономическом состоянии СССР забастовочное движение населения стало отражаться не только территориально, но и количественно. Так, в мае 1923 г. Донецкой губернии на почве невыплаты жалования бастовали один за другим Байрацкий рудник (1,3 тыс. рабочих), а вслед за ними рудники: 1-й, 5-й и 8-й (в общем количестве до 5 тыс. рабочих). В Харьковской губернии на шахтах «Чайкино» и «Иван», принадлежавших Макеевскому комбинату, в результате невыплаты зарплаты рабочие организовали забастовку, которая была поддержана рабочими Стекольного завода, шахт «Дагмара» и «Капитальная», рудников Скольковского и Щербиновка, расположенных в Константиновском районе. В Москве к бастующим из-за повышения нормы выработки рабочим завода «Серп и молот» примкнули заводы «Рускабель» № 2 и № 3. В июне 1923 г. в одной только Московской губернии на 13 предприятиях по торфоразработке бастовало 13185 рабочих, в результате чего было потеряно 42 тыс. рабочих дней [13].

Забастовки являлись единственным способом борьбы рабочих против администрации, нарушающей свои обязанности по отношению к ним. Конечно же, власти не сидели на месте и пытались использовать различные способы снижения напряженности в рабочей среде: организовывали выплату задолженности по заработной плате и выдачу пайков, пересматривали сниженные тарифы. Местами даже приходилось проводить ликвидацию предприятий с целью нового набора рабочих. Но, снижая таким образом общую напряженность, органы власти не ограничивали себя лишь проведением «мирных» мероприятий. Практически по итогам каждой забастовки происходило выявление организаторов, которые арестовывались и привлекались к административной и уголовной ответственности, что нередко вызывало новые вспышки протеста. Однако, несмотря на принимаемые со стороны органов власти меры, главным условием в снижении негативных настроений было одно – восстановление и налаживание производства, которое обеспечивало бы необходимую заработную плату и стабильность завода, региона, страны.

Наряду с протестными выступлениями рабочих, продолжались и крестьянские выступления. Прежде всего, крестьяне страдали от непосильных налогов и от примитивного сельского хозяйства. Кампании по сбору продовольственного налога проходили с трудом, ведь сдача налога напрямую зависела от дохода, полученного от урожая. Так, в октябре 1922 г. в Терском, Тюкалинском, Калашевском и Славгородском уезде Омской губернии в результате тяжелых материальных условий, сложившихся вследствие плохого урожая и чрезмерности налоговых ставок, крестьянами было сдано всего лишь 5,8 % от планируемого сбора [14]. Нередко продналог отягощался и другими непосильными для крестьян поборами. В 1922 г. одним из таких являлся трудгужналог, взимаемый, как правило, в самый разгар уборочной страды и в большинстве своем невыполнимый для большинства крестьян из-за отсутствия

лошадей. Такое положение дел вызывало закономерное недовольство у деревенского населения, являлось непосильным бременем для беднейшей его части и нередко вынуждало их всячески уклоняться от сдачи налога.

Стремление местных властей организовать полный сбор налогов приводило к тому, что крестьяне нередко вынуждены были сдавать семена, покупать на рынке зерно и продавать скот, как это было в августе 1922 г. в Челябинской и Тюменской губернии. В этих губерниях, ранее пострадавших от неурожая и недосева, собранный новый урожай смог покрыть потребности населения лишь наполовину, что привело к голоду [15]. На следующий год ситуация повторилась. В своем обзоре о политико-экономическом состоянии СССР за июнь 1923 г. ГПУ сообщало, что прошедшие налоговые кампании тяжело отразились на середняцких и особенно бедняцких хозяйствах. Наиболее экономически кризисное положение крестьян было в губерниях северо-запада, Поволжья, Сибири, части центральных и дальневосточных губерний. Для сдачи налогов крестьянству приходилось продавать последний хлеб, семенной материал и скот. Истощение продовольственных запасов от прошлого урожая, плохие прогнозы на новый урожай в ряде губерний страны и стихийные бедствия ухудшили экономическое положение значительной части крестьянства. В 1923 г. подобное положение имело место в 31-й губернии, в числе которых были 4 центральные, все северо-западные и западные губернии, 6 губерний Приволжья, Пермская, Акмолинская, Кустанайская, Алтайская, Омская и 4 губернии Дальнего Востока. В этих губерниях крестьянство, боясь неурожая, распродало скот, запасаясь хлебом, а беднота, не имевшая средств к существованию, повсеместно питалась суррогатами [16].

Нередко сдача продовольственного налога сопровождалась определенными «ненормальностями» со стороны властей. Так, в госинфсводке ГПУ от 2 ноября 1922 г. указывалось, что в Сибири продработники заставляли крестьян везти продналог в дождливую погоду, не давали обмолачивать хлеб и огораживать пастбища, в результате чего скотом было уничтожено 50 % необмолоченного хлеба. В Бийском уезде к крестьянам, не сдавшим налог, применялись репрессивные меры, переходящие всякие границы. В селе Колыванье уполномоченным упродкома было арестовано 40 крестьян. Все они были раздеты и вместе с женщинами и детьми посажены в холодный амбар. В Барнаульском уезде в Топчихинской заготовительной конторе приемщики обвешивали налогоплательщиков и выдавали фиктивные ордера. Процветало взяточничество [17]. Нередко с крестьян требовали уплату налога высококондиционным зерном. Вносимое в счет налога зерно браковалось продорганами, и крестьянам, дабы не везти его обратно, приходилось продавать его, как правило, за бесценок, частным торговцам. Так, осенью 1923 г. в Кубано-Черноморской области было забраковано 60 % зерна, а в Пензенской губернии крестьяне из-за некондиционности зерна вынуждены были везти его обратно, предварительно простояв трое суток в очереди у ссыпных пунктов. В Волынской губернии лишь 5 % привозимого зерна было принято в счет налога. По той же причине крестьяне Гомельской, Полтавской, Самарской, Там-

бовской, Саратовской, Воронежской, Орловской, Екатеринбургской и Харьковской губернии и многих других губерний вынуждены были продавать хлеб за бесценок, для того чтобы уплачивать налог деньгами [18].

Все это вместе взятое вызывало недовольство и протесты. Некоторые крестьяне в поисках работы уходили в город, увеличивая число безработных, а некоторые сокращали посевные площади или отказывались от сдачи продналога. Были случаи расправы с налогосборщиками и вооруженное сопротивление продотрядам [19].

Проводя налоговую кампанию, власти не гнушались репрессивных мер. Так, согласно госинфсводки ГПУ от 19 ноября 1922 г. в Вятской губернии в результате слабой сдачи продналога (26,6 % от намеченного) на 10 ноября было арестовано 4089 человек, из которых было предано народному суду – 1318 человек, суду ревтрибунала – 78 человек. В Северо-Двинской губернии за невзнос продналога было арестовано 1088 человек, из которых 60 было осуждено [20].

Пытаясь ослабить социальную напряженность в деревне в 1922–1923 гг., высшие органы государственной власти неоднократно возвращались к вопросу о регулировании продналога. С этой целью в марте 1922 г. был издан декрет «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства». Взамен существовавших ранее натуральных налогов разрешалось взимать единый сбор на сельскохозяйственную продукцию. В мае следующего года в декрете «О едином сельскохозяйственном налоге» было предложено облагать все население, занимающееся сельским хозяйством, и взимать его частью натурой, частью деньгами. В интересах облегчения налоговых обязательств беднейшего крестьянства в июле были опубликованы декреты о некоторых льготах для них. В результате этого множество крестьянских хозяйств бедноты получили налоговые послабления [21]. Однако главным фактором, определяющим настроение в деревне, оставался урожай: в благоприятные годы деревня успокаивалась, в неурожайные – настроения крестьян изменялись, что отражалось в их поведении и формах протеста, которые превращались в борьбу за выживание.

Убогие условия жизни, отсталость сельского хозяйства и его техническая беспомощность, обострение взаимоотношений между городом и деревней наряду с другими проблемами вызывали у крестьян устойчивое чувство неудовлетворенности. Промышленность и сельское хозяйство не были достаточно взаимосвязаны, скоординированы и скооперированы в экономическом отношении. Две трети от промышленной продукции потреблялось городским рынком и лишь только одна треть – крестьянским. Следствием этого в октябре 1923 г. в стране разразился острый кризис сбыта промышленных товаров. Чрезмерный рост цен на них и низкие цены на сельскохозяйственные продукты в связи с хорошим урожаем привели к тому, что промышленная продукция перестала быть востребованной среди крестьянского населения. Крестьяне хоть и нуждались в товарах промышленного производства, но не хотели их покупать по завышенным ценам. К тому же качество предлагаемой продук-

ции было ниже довоенного. С легкой руки председателя РВС Республики Л. Д. Троцкого это явление было названо «ножницами» цен.

Несмотря на усилия партийно-политического руководства страны все жизненные стороны общества были охвачены политической нестабильностью и социальной напряженностью.

Уникальным явлением советской действительности 1920-х гг. стал так называемый «красный (советский) бандитизм», сущность которого заключалась в активных действиях отдельных групп населения, взявших на себя функции органов власти, в самочинных расправах без суда и следствия над советскими служащими и видными коммунистами, убийствах специалистов и др. Так, в докладах информационного отдела ГПУ-ОГПУ неоднократно отмечались факты взяточничества со стороны председателей волисполкомов и волпродинспекторов, ареста с последующими издевательствами над неплательщиками. Нередко подобные действия совершались представителями органов власти в состоянии алкогольного опьянения. В отдельных случаях доходило до откровенного самоуправства, когда за неуплату сельхозналога ломались строения бедняков и демобилизованных красноармейцев [22].

Факты злоупотреблений, а также причины и следствия возникновения красного бандитизма были обобщены в телеграмме Полномочного представителя начальника секретно-оперативной части ГПУ УССР Лифшица, направленной в адрес всех начальников отделов ГПУ по борьбе с бандитизмом. Особо в этом документе были выделены злоупотребления представителей местных и районных властей, которые, незаконно преследуя крестьян, взимая поборы, зачастую просто сводили свои личные счета. Нередкими были и случаи личной наживы за счет бедняков. Отмечались факты, когда сотрудники милиции взимали на базарах помимо установленных налоговых пошлин по 300 руб. с подводы, а если денег у крестьян не было, с них снимали сапоги [23].

Подобные действия оказывали отрицательное влияние на имидж советской власти на местах, а в совокупности с практически чрезвычайными хозяйственно-экономическими условиями, сложившимися в то время в стране и в деревне, нередко вызвали желание у населения отстаивать свои права с оружием в руках. Любой людской ропот и всяческие попытки организованных выступлений со стороны органов власти и правоохранительных структур однозначно воспринимались как контрреволюционные проявления и потому пресекались чрезвычайно жестко, так как протестные выступления всегда расценивались как антисоветские, как происки буржуазии.

Библиографические ссылки

1. *Кантор Ю. З.* Война и мир Тухачевского. – М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005.
2. 15 ноября 1923 года Постановлением ВЦИК ГПУ НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

3. См.: *Обзор* политико-экономического состояния СССР за апрель-май, июнь 1923 г. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

4. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

5. Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1982.

6. См.: Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. – М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005.

7. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая 1921 г. // Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1982.

8. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1982.

9. В Вятской губернии только на одних Ижевских заводах отмечены несколько сот фактов несчастных случаев, допущенных в результате сильного износа оборудования, а в Семипалатинской губернии на производстве рабочим не оказывалось никакой медицинской помощи, в результате чего на кожзаводе «Безымянный ключ» практически 100 % рабочих, работающих в сырых казематах, были заражены малярией (См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001).

10. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

11. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

12. Обзор политико-экономического состояния СССР за апрель-май 1923 г. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

13. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

15. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

16. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

17. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

19. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

20. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 1, 1922 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.

21. *Центральный архив ФСБ России (далее ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 2. Д. 754. Л. 68; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.*

22. См.: *«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), Т. 1, Ч. 2, 1923 г. – М.: ППП «Типография «Наука», 2001.*

23. *ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 572. Л. 8; Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.*